

18+

М.А. Гришай

Море житейское

**истории о людях,
которые мечтали
о счастье**

Людмила Грицай
Море житейское

«Издательские решения»

Грицай Л. А.

Море житейское / Л. А. Грицай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567446-3

Когда-то древние сравнивали жизнь человека с судьбой щепки, которая плывет в бурных волнах. Ее бросает то вверх, то вниз, но она все равно продолжает свой путь. Человек тоже за свою жизнь проходит множество испытаний. Но самое главное уметь сохранять достоинство во время всех бурь и невзгод. Книга «Море житейское» — это художественное произведение. Оно представляет собой рассказы о людях, которые стремились стать счастливыми, но не всегда получили желаемое.

ISBN 978-5-00-567446-3

© Грицай Л. А.
© Издательские решения

Содержание

Гостя тихой обители	6
Необычная невеста	21
Недотрога	26
Мать понарошку	31
Всеми свое время	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Море житейское

Людмила Александровна Грицай

© Людмила Александровна Грицай, 2022

ISBN 978-5-0056-7446-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гостя тихой обители

В 7 утра зазвонил будильник, и Вика, глянув на него, поняла, что на работу сегодня не пойдет. Она могла себе позволить такую роскошь, ведь управляла несколькими цветочными магазинами. Все считали ее хозяйкой, но на самом деле Вика была исполнителем. Настоящей владелицей являлась старшая сестра Тамара, которая помогла осуществить ее давнюю мечту: создать цветочные магазины и заниматься торговлей флористическими композициями, игрушками, сувенирами и прочее.

Тамару можно было назвать любимицей судьбы. Она все делала на «отлично»: училась в школе и в институте, работала, вышла замуж за успешного человека, который в начале 90-х гг. стал бизнесменом. В семье воспитывались двое успешных детей. В последние два года сестра и ее близкие почти постоянно жили в Испании, где у них был небольшой загородный дом у моря.

А вот у Вики, которая была младше Тамары на 15 лет, ничего так легко и красиво не получалось. Училась она с трудом, вуз окончила еле-еле, работала без особого энтузиазма, увлекалась только флористикой. Вот Тамара и организовала для любимой сестры свое дело, поставив начальницей и дав генеральную доверенность на управление цветочными магазинами.

С работой наладилось, а с личной жизнью вообще все было сложно. Молодые люди мало обращали на нее внимание, то ли из-за обычной внешности, то ли просто из-за неумения подать себя. Вика глубоко страдала от этого, но вида не показывала. Часто по вечерам она смотрела на себя в зеркало и видела вполне обычную женщину лет 35, с длинными русыми волосами, задумчивыми глазами и широкими скулами. Ничего особо некрасивого в себе она не находила. Но личная жизнь все равно не клеилась.

От одиночества и женской невостребованности на Вику раз в месяц накатывали депрессии. Она оставалась дома, пила чай с успокоительными, смотрела телевизор, спала и, прожив так дня три, постепенно приходила в себя. И в этот раз она намеревалась провести время дома, тем более что работа ее магазинов была неплохо налажена. Однако в шесть вечера ей позвонила секретарша:

– Виктория Георгиевна, вы хотели вчера проехать по магазинам? Посылать ли к вам машину? Если нет, я сообщу водителю.

Дело в том, что Вика любила в вечерний час раз в неделю совершать внезапные посещения своих магазинчиков, разбросанных по разным концам необъятной столицы. Тем самым она дисциплинировала продавцов и опытным глазом хозяйки приглядывала за порядком.

Она вдруг захотела покомандовать и велела прислать машину. Привела себя в порядок, надела новое пальто, спустилась к авто и удивилась, увидев в нем незнакомца. Он прочитал испуг в ее глазах.

– Виктория Георгиевна, вы меня не знаете, меня Виктором зовут, я у вас только 4 дня работаю, вот еще не успел познакомиться.

Вика кивнула. Наймом водителей занималась ее секретарша, которой она доверяла этот малосущественный вопрос. Платили им немного, но и работа была не особо пыльная: партии цветов со склада в магазины доставлять да иногда хозяйку возить по делам. Виктор по дороге пытался что-то рассказывать, улыбался, была любезен и внимателен. Вернувшись домой, Вика почувствовала, что ее хандра рассеялась. На следующий день она вышла на работу, чем несколько удивила свою секретаршу Леночку, которая вежливо поинтересовалась ее самочувствием.

– Все отлично! – заявила Вика. – Весна, хочется работать, а отдохнуть я еще летом успею.

Сама того до конца не осознавая, Вика стала чаще навещать свои магазины, вызывая машину. Управлял ей Виктор, он вел себя словоохотливо, рассказывал забавные истории и нравился Вике все больше. Нельзя было назвать его красавцем или интеллектуалом. Но он обладал каким-то непередаваемым обаянием, чем и вызвал к себе расположение. Виктор, видимо, почувствовал интерес со стороны начальницы. Как-то в хмурый вечер пригласил Вику в небольшое кафе, угостил дорогим кофе и как-то неожиданно подарил букетик цветов. Это были ее любимые хризантемы, маленькие, лучистые, дивно пахнущие.

После этого случая их отношения стали развиваться стремительно. Вика почувствовала, как ее захватило долгожданное женское счастье, в Викторе она видела человека достойного, который может стать ей опорой в жизни. Виктор уже жил у нее, благо в огромной трешке места было предостаточно. Она уже хотела повесить его в должности, сделав своим замом. Кстати, о том, что сама не является хозяйкой магазинов, умалчивала, ей было приятно, что Виктор считал ее способной начать бизнес «с нуля» и добиться успеха. Шел 1997 год, страна жила трудно, и только избранные могли гордиться своим благосостоянием.

Сам себя Виктор называл холостяком, рассказывал о родителях, а о женщинах не упоминал никогда. Он сделал ей предложение, однако Вику в скоропалительности приглашения замуж что-то настораживало, поэтому мучимая любопытством и ревностью, она наняла частного детектива, чтобы тот разузнал все контакты Виктора.

Спустя две недели детектив представил Вике подробный отчет. Когда она его прочитала, то почувствовала, что земля уходит из-под ног. Отчет содержал запись разговоров Виктора с неизвестным абонентом.

– Привет, киска! – говорил ее жених.

– Привет, как твоя мегера, не сильно надоедает? – отвечал абонент.

– Терпимо. Но ты понимаешь, как это нам нужно. Как Сергей?

– Хорошо, о тебе все время спрашивает. Ты завтра к нам заскочишь?

– Только если с утра. У нее будет совещание, успею часа два с вами побыть. Целую, моя крошка.

Вечером Вика молча показала жениху свой отчет. На лице его отразилась досада.

– Почему ты не сказал мне, что у тебя кто-то есть?

– Почему? – вдруг рассердился Виктор, – потому что ты мне была нужна. И я не женат официально, просто у нее от меня ребенок, нужно помогать, навещать сына.

– Не ври, ты назвал ее крошкой, а меня мегерой, – закричала Вика и заплакала.

Она приказала ему собрать вещи и больше у нее никогда не появляться. Тот подчинился. Уволился он спустя неделю по собственному желанию. А еще через месяц Вика была на приеме у врача, который подтвердил, что она находится в интересном положении. Неожиданно для себя этому обстоятельству она обрадовалась. Почему-то сразу решила, что родит дочку. Пренная злоба на Виктора ушла. В конце концов, он, пытаясь решить с помощью нее какие-то свои трудности, подарил ей возможность стать матерью и воспитывать ребенка. Вика в июле съездила в гости к сестре, все ей рассказала, получила заверения в поддержке и спокойная и умиротворенная вернулась домой.

В январе 1998 года у Вики родилась дочка. Сестра Тамара уговорила ее рожать в Испании. Все-таки там медицина лучше, тем более что финансовые возможности позволяли это сделать. Тамара, будучи матерью двух взрослых сыновей, племяннице обрадовалась. Через два месяца вместе с Викой они вернулись в Россию, и Тамара стала девочке крестной. Дела в цветочных магазинах шли хорошо, и Вика доверила их управление Леночке, назначив ее своим замом, а сама занялась дочерью.

Материнство преобразило ее. Больше ни о каких депрессиях не было речи. Вика оборудовала для Катеньки замечательную детскую, купила дорогие игрушки, коляски, ходунки и делала все сама, изредка прибегая к помощи приходящей няни. Полностью сконцентрировавшись на ребенке, она забыла уже о неудавшихся отношениях с Виктором. Теперь ей казалось, что нужен был он ей только для рождения дочери.

Однажды она ждала врача, поэтому, услышав звонок в дверь, смело ее открыла. На пороге стоял Виктор с плюшевым медвежонком в руках.

– Я знаю, что у нас с тобой дочь. Может, все-такипустишь, хочу на нее посмотреть!

Вика сжалась. Ребенка показала, но попросила Виктора уйти подобру-поздорову. Еще недели через две он позвонил и предложил встретиться. Они увиделись в небольшом кафе у ее дома, Виктор был вежлив, но твердо сказал, что хочет подать иск в суд на установление отцовства. Вика ошалела от такой новости.

– Ребенок мой, мы с тобой в браке не состояли, с какой стати тебе нужно это отцовство?

– Потому что я хочу нести ответственность за своего ребенка, – с гордостью заявил Виктор, – это моя кровь, и ты, какой бы богатой ни была, не имеешь право отнимать у меня дочь.

Вика поняла, что Виктор по какой-то причине объявил ей войну. Она нашла хорошего адвоката, в итоге спустя три месяца они подписали мировое соглашение, согласно которому Вика признает отцовство Виктора и меняет свидетельство о рождении, вписывая его туда. При этом у Кати остается фамилия матери. Виктор же разрешает вывозить дочь за границу и проводить все медицинские манипуляции, но при этом отказывается от выплаты алиментов. Мировое соглашение расставило все точки над «i», и Вика продолжила спокойно воспитывать дочь. Виктор появлялся в их жизни раз в полгода, поэтому Катя его знала, но как отца практически не воспринимала.

Шло время, девочка росла, радовала мать своим увлечением рисованием, хорошо училась, была послушна и погружена в свой внутренний мир.

Все оборвалось внезапно. В 48 лет у Вики на работе случился обморок. Даже лучшие московские врачи не смогли сразу поставить диагноз, в итоге оказалось, что у нее последняя стадия того заболевания, которое страшит многих неизбежностью конца. Из Испании приехала Тамара, предлагала сестре лечение за границей, но Вика умерла в больнице спустя две недели после первого сеанса химиотерапии.

Так Катя в 12 лет оказалась сиротой. Смерть матери потрясла ее. Девочка ушла в себя, перестала разговаривать, только все что-то рисовала в своем блокноте. Тамара после похорон сестры осталась в России, чтобы собрать документы и стать опекуном племянницы. Но тут выяснилось, что девочка имеет официального отца, и тот, узнав о смерти бывшей возлюбленной, готов биться за право забрать ребенка к себе. Подобного Тамара не ожидала. Даже при ее деньгах она не могла просто вычеркнуть Виктора из свидетельства о рождении.

А тот действовал весьма энергично. Через две недели после похорон Вики он забрал Катю к себе, тут же обратился в загс, чтобы поменять ей фамилию, изменил прописку (он жил с новой семьей, где рос маленький ребенок). Квартиру матери Кати предприимчивый Виктор собрался сдавать, также хотел управлять цветочными магазинами, к тому времени превратившимися в обширную сеть торговых точек. Тамара слегка остудила его пыл, сообщив, что все магазины принадлежали ей, а не сестре. Но даже оставшаяся от Вики собственность была обширна, что позволяло отцу, официально оформив все на дочь, распоряжаться этим по своему усмотрению. Катю он буквально запер в квартире, даже не переведя ее в школу по новому месту жительства. Отобрал у нее телефон и планшет, и ребенок оказался полностью отрезанным от мира.

Тамара изводила себя, к Кате она была искреннее привязана, Виктора не воспринимала как ее отца, поэтому за племянницу решила биться до конца. Хороший адвокат посоветовала ей в первую очередь найти возможность передать девочке средства для связи.

Летом отец увез ее, жену и сына в деревню. Именно там Кате удалось передать сотовый телефон. И при первом же звонке тете она плакала навзрыд, жалуясь на то, что отец груб с ней, мачеха ее презирает, и она чувствует себя в их доме как ненужная, но дорогая вещь. Тамара успокоила племянницу, попросила спрятать телефон понадежнее и стала думать, как вызволить свою девочку из внезапного плена.

Тамара, понимая, что Катя долго в таких условиях не выдержит, стала действовать. В доме родного отца, которого девочка до 12 лет практически не знала и попала к нему неожиданно после внезапной смерти матери, ей приходилось трудно. Тем более что отец ею не занимался, а мачеха проявляла холодное равнодушие. Катя нужна была этим людям как богатая наследница, имущества которой хватило бы для обеспечения безбедной жизни всей семьи.

Тамара была женщиной умной и сразу же обратилась для решения возникшей проблемы к специалистам. Небольшая группа из психологов и юристов нашла выход из сложившейся ситуации. Вечером того же дня Тамара написала Кате смс, тем самым вызвав ее на тайный разговор (переданный от тети телефон девочка тщательно скрывала от отца).

– Ты все поняла, Катя? – спрашивала тетья. – Не бойся, ему потом ничего не сделают, но ты вернешься ко мне, мы поедем вместе в Испанию, и все забудется как дурной сон.

– Да, тетя Тамара, я поняла, все сделаю, – заверила ее та.

В деревне Катя пользовалась некоторой свободой, ей разрешали гулять во дворе, окруженным высоким металлическим забором, и рисовать. Она сильно скучала по умершей маме, по своим собакам, о судьбе которых ничего не знала. Катя подозревала, что Виктор (так она называла отца) их усыпил. Не нужны они были ему. И себя она чувствовала такой же собачкой, которую отец не любил, но использовал в своих интересах. Каждый вечер, оставшись одна в маленькой комнатке, она плакала. Вспоминала маму их радостную и беззаботную жизнь, обращалась к высшим силам и мечтала вырваться из внезапно обрушившегося на нее плена. Тетя Тамара подсказала, как это можно сделать.

Отец редко заходил к ней, но она знала, что сроки получения наследства приближаются, поэтому нужно было оформлять документы. Подписывать ничего она не желала категорически. Виктор, узнав о ее намерении, устроил ей взбучку.

– Ты ошалела что ли? Кто будет вступать в наследство? Я не собираюсь. Все твое, тебе мать оставила, я должен тебя кормить да воспитывать до 18 лет...

– Не только кормить, – вдруг смело заявила Катя, – вы еще будете всем пользоваться: маминой квартирой, ее домом, машиной...

– Это же тебе потом достанется, я только буду следить, чтобы ты это не разбазарила пока.

– Да вы вообще маму никогда не любили, хотели жениться ради денег, не знали, наверное, что все тете Тамаре принадлежит. Вы и сына своего старшего бросили с его матерью. И с этой

(так Катя называла мачеху) живете только потому, что у нее своя квартира есть. Вы приживал и никчемность, – под конец выпалила она.

Отец дал ей звонкую пощечину и стал бить что есть мочи. По рукам, спине. Катя не отворачивалась. Ей был нужен его гнев, ярость, насилие. Она терпела, пока отец не ушел, хлопнув на прощание дверью. А потом сфотографировала все синяки и отправила фото тете Тамаре, присовокупила видео ссоры, которую незаметно снимала на телефон. Тамара, получив сообщение от племянницы, сразу стала действовать.

Уже на следующий день органы опеки изъяли Катю из семьи отца, она подтвердила, что тот жестоко избил ее. На суде Виктора лишили родительских прав и приговорили к принудительным работам. Он пытался доказать, что дочь его спровоцировала, но даже судья высказывала к нему открытое презрение. Тамара оформила опеку, нашла управляющего для цветочных магазинов и забрала Катю в Испанию, где давно обосновалась ее семья.

Катя любила эту страну, бывала у тети в гостях. Здесь было теплое море, много людей, язык которых она с трудом понимала. Девочка знала, что теперь будет все по-другому. Не будет мамы, не будет прежних друзей. Ее ждет иная жизнь, к которой она должна еще привыкнуть.

В Испании она прожила всего 5 лет, выучила местный язык, хотя и своего не забывала. Училась, завела себе собак и гуляла с ними по морскому побережью...

Здесь ей было одиноко и спокойно. Тетя Тамара души не чаяла в племяннице, но мать заменить все равно не могла, к тому же она стала болеть. Дядя и двоюродные братья, жившие своими интересами, на Катю внимания обращали мало.

Тетя Тамара умерла, когда Кате едва исполнилось 18 лет, она оставила завещание, передающее племяннице право собственности на те самые цветочные магазины, которыми долгое время управляла ее мать Вика. Хоронить ее решили в России, и Катя, воспользовавшись этим, объявила дяде, что сама также хочет вернуться на Родину. Возможно, она просто соскучилась по шумной Москве, возможно, чувствовала себя в этой южной стране совсем чужой, а может быть, ей просто легче было говорить и думать на русском языке. Дядя согласился с ее решением, и Катя снова оказалась в квартире своей матери.

Удивилась тому, что в ней ничего не изменилось. Летом она поступила в престижный московский вуз на факультет дизайна и поняла, что по-настоящему стала взрослой. Дядя и двоюродные братья опекали ее, звонили каждую субботу, оплачивали обучение, присылали денег на жизнь. Об отце Катя не вспоминала, даже страх встретиться с ним случайно в Москве у нее пропал.

Замкнутая в себе, молчаливая, она не искала друзей и шумных компаний, и на ее факультете мало кто знал, что эта задумчивая девушка с лучистыми глазами успела в своей жизни так много испытать.

– Екатерина Георгиевна, к вам посетитель просится.

Катя, сидевшая в своем кабинете, подняла глаза на секретаршу.

– А кто он и чего от нас хочет?

– Он сказал, что по личному вопросу. Но так вроде мужик безобидный, одет просто, лет 60, наверное.

– Пусть заходит, – решила Катя.

Она уже 3 года возглавляла сеть цветочных магазинов, доставшихся ей от тети Тамары. Когда-то бизнес считался прибыльным, но сейчас испытывал трудности, пришлось несколько магазинов закрыть, часть перевести в Подмоскowie. Забот было невпроворот, поэтому даже будучи хозяйкой дела, Катя работала с утра и до вечера.

Когда посетитель вошел, она вздрогнула.

– Здравствуй, дочь, вот как ты меня встречаешь: за столом начальницы. Ну что тетка бизнес отдала? Богатая была, адвокатов тогда таких наняла, чтобы тебя у меня отобрать. Помнишь?

Катя нахмурилась.

– Простите. Я не готова с вами говорить на эту тему. Тетя Тамара многое для меня сделала, если б не она, – девушка покосилась в сторону отца, – неизвестно, что бы со мной вообще стало.

– Ну, выросил бы из тебя человека. Только без подлости той, которую вы с теткой мне устроили.

Катя вздохнула. Трудно было сейчас сказать, подлостью ли был ее поступок, совершенный по совету тети 9 лет назад. Катя была подростком, и после внезапной смерти родной матери оказалась в семье отца, которого почти не знала. Дочь тогда стала богатой наследницей, поэтому опека над ней была ему чрезвычайно выгодна. Отец вел себя грубо и властно, забрал из школы, игнорировал потребности и интересы, фактически запер в квартире. Девочке пришлось бы трудно, если не родная тетя – старшая сестра матери, которая буквально вызволила ее из отцовского плена. Правда, пришлось спровоцировать Виктора на насилие, сфотографировать синяки, но это вырвало Катю из цепких рук родителя.

– А я к тебе за долгом пришел.

– Каким? – удивилась Катя, – что я вам теперь должна?

– А мне через два месяца 60 лет стукнет, – с гордостью заявил Виктор. – Хоть ты даже от отчества моего отказалась, Георгиевна, а платить придется. По закону трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных родителей и платить алименты.

Катя даже растерялась.

– И сколько же вы хотите алиментов? – осведомилась она.

– 25% от твоего официального заработка, – подмигнул довольный отец, – поверь, мне хватит и на других детей останется. Тех, что получше будут тебя.

Катя поспешила выпроводить посетителя, но тот даже уходя сказал, что будет подавать в суд, если она откажется. Оставшись одна, она поняла, что работать больше не может. попрощалась с секретаршей, спустилась, села в машину и поехала по городу. Былая ненависть к отцу, давно уже ею подзабытая, подкатила к горлу. И было обидно даже не из-за того, что он снова пытается обогатиться за ее счет, а то, что она несет в себе гены этого человека, который никогда не любил ее мать и только мучил ее. Да, права была тетя Тамара, которая не стеснялась в выражениях, вспоминая о ее папаше. Катя и отчество сменила, чтобы не быть Викторовой. Взяла себе отчество деда, которого и мать, и тетя Тамара всегда вспоминали добрым словом.

Через три дня после встречи она успокоилась, приказала этого посетителя к себе больше не пускать. С точки зрения закона слова его были блефом: ведь тот алиментов ей никогда не платил и был лишен родительских прав за рукоприкладство.

Об отце она не вспоминала, пока к ней «ВКонтакте» не постучался Сергей. После нескольких минут переписки Катя узнала, что он ее единокровный старший брат. Сергей оказался на 6 лет старше, написал, что с отцом сам не виделся больше 10 лет, так как он бросил его мать, но недавно услышал, что у него сейчас крайне трудное материальное и жизненное положение. Его последняя жена недавно умерла, а сын – 19-летний Игорь страдает от наркозависимости. Стремясь достать денег на дозу, Игорь даже бьет Виктора.

Сергей предлагал встретиться и обсудить все. Катя согласилась. Недолго прожив с отцом и мачехой, она помнила Игоря – капризного и избалованного мальчишку. Вот уж не думала, что он скатится до такого. Сергей оказался брюнетом среднего роста с добрыми светло-синими глазами. Спокойный и рассудительный он произвел на Катю положительное впечатление.

– Понимаешь, мне отца тоже любить-то, в общем-то, не за что. Но все-таки он нам дал жизнь, мне кажется, нужно сейчас помочь ему и Игорю.

Катя согласилась. Они решили найти брату клинику для лечения, а отцу помогать продуктами. И вместе они поехали в квартиру родителя. Все кругом находилось в ужасном состоянии. Нагромождение грязных вещей и болезненное лицо младшего брата произвели на Катю тягостное впечатление, но она впервые увидела в глазах отца какую-то жалкую благодарность и вдруг поняла, что все-таки виновата перед ним за ту провокацию, которая помогла ей лишиться его родительских прав и избежать грубой опеки. Больницу для лечения Игоря вскоре удалось найти, однако он категорически отказался в нее ложиться. Не помогли ни уговоры, ни угрозы. Пришлось прибегнуть к вынужденной госпитализации. Катя наняла специалистов клининговой компании, которые привели квартиру в относительный порядок.

Отец как-то повеселел, подобрел даже и неожиданно попросил у Кати прощение за то, что тогда обидел ее. Катя расплакалась и поняла, что камень упал с ее души. Правда, никакой близости в отношениях не произошло. Но они оба к этому не стремились, слишком уж разные были их судьбы и положения. Но Катя пополам с Сергеем оплачивала лечение Игоря и посылала родителю раз в неделю сумку с продуктами. Врачи говорили о положительной динамике, но Игорь в какой-то момент из больницы исчез. Его нашли только через две недели в морге. По всей видимости, он вернулся к старому, вколол себе слишком большую дозу, и организм не справился. Катя и Сергей помогли с похоронами. А отец как-то вдруг успокоился и вновь

нашел себе подругу. Женщина была его на 8 лет младше, всю жизнь работала кассиром в РЖД, теперь ушла на пенсию и быстро смогла взять в руки домашние заботы.

Взрослые дети вздохнули с облегчением. Правда, Катя продолжила каждую неделю присылать отцу продукты и сладости, которые он, оказывается, очень любил. Виктор подаркам от дочери так искреннее радовался, что и ей становилось теплее на душе. И прежние обиды как-то забывались.

Катина жизнь шла по-старому. Заботы с ее магазинчиками цветов, разбросанными по городу, не уменьшались. Документы, клиенты, телефонные переговоры занимали весь рабочий день с лихвой. Часть торговли она активно переводила в интернет. Приходила домой уставшая, что-то рассеянно готовила, ела, прочитывала в телефоне ленту новостей и засыпала. Многие ее ровесницы были уже замужем, а она так и оставалась одинокой. Положение девки-вековухи как-то смущало. Хотелось обрести семью, мужа, который любил бы и стал настоящим другом, родственной душой. Но все эти мечты не находили себя в реальности.

Однажды брат Сергей пригласил ее на день рождения.

– Мы на природу собираемся с семьей, с друзьями, ты с нами? – спросил он в ватсапе.

– Поеду, – согласилась Катя, – все-таки выходные, лето, хочется хоть немного отдохнуть.

На следующий день она уже ехала в веренице машин, возглавлял которую «Рено» ее брата. Нашли скромную поляну у реки и стали выгружать съестное. Пока Сергей с товарищами готовили шашлык, Катя помогала его жене Полине и ее подругам резать овощи и расставлять тарелки. Они долго ели, пили, весело болтали, а потом пошли гулять. Катя увлеклась сбором луговой клубники, которую нашла совершенно случайно. Ела ее прямо с земли, радуясь забытому вкусу ягод. И не заметила, как к ней подошел один из товарищей Сергея.

– Никогда не думал, что у моего друга есть такая очаровательная сестра! – заметил он.

Вячеслав (так звали молодого человека) стал помогать Кате собирать бледно-красные душистые ягоды.

– А почему вы сами не едите? – чуть лукаво спросила она.

Вячеслав слегка поморщился.

– Да как-то с земли есть не привык. А Сергей мне сказал, что вы дизайнер, что долго жили в Испании у тети, что цветами занимаетесь...

– Да, – кивнула Катя, – тетя мне свой бизнес завещала, вот и тружусь. Похожа я на бизнесвумен?

Вячеслав посмотрел на стоящую перед ним девушку с русыми волосами и светло-синими глазами и ответил.

– Ну, если без джинсов и майки, а в деловом костюме, то будет самое то.

Они проговорили до 8 вечера. Первые лучи заходящего солнца уже стали падать длинными тенями на поле, и Сергей и его товарищи собрались в обратный путь. Вячеслав попросил у Кати номер телефона, обещая скинуть фото их совместного сбора ягод.

Они стали встречаться. Вячеслав оказался муниципальным чиновником средней руки, возглавлял небольшой отдел в одном из городских управлений, жил с мамой, был внимателен и серьезен. Много говорил о семье и браке, родительской ответственности. В целом его рассуждения, образ мыслей Кате были близки, она понимала, что Вячеслав скоро сделает ей предложение, а она должна будет на него как-то ответить. Катя вспоминала мать, так никогда не вышедшую замуж, ее ранний уход, отца, принесшего ей столько несчастий, с которым все-таки удалось в конце концов примириться. И в ее душе никогда не видевшей полноценной семьи рождалась надежда на то, что, выйдя замуж за Вячеслава, она сможет выправить свою жизненную историю, обретет счастье и сделает счастливыми своих близких.

Она до конца не понимала, любила ли она его. Скорее, он был ей глубоко симпатичен, она относилась к нему с уважением, разделяла убеждения и взгляды. Но сильной эмоциональной бури при его появлении не испытывала. Просто была рада видеть и все. Вячеслав ухаживал романтично и серьезно одновременно. Катя просила его не дарить цветов, но он где-то находил то скромные полевые ромашки, то осенние яркие долгоцветы, и она радовалась им, потому что получала знаки любви и заботы.

Поженились они в конце мая. Стояла ровная солнечная погода, и Катя в белом воздушном платье смотрелась как настоящая принцесса. Торжество было шумным и многолюдным. Но со стороны невесты родственников оказалось мало. Только брат Сергей и его семья. Отца она приглашать побоялась. Близким человеком он так не стал. Дядя и двоюродные братья, живущие в Испании, прислали деньги и поздравительную открытку. Вячеслав после свадьбы переехал в большую квартиру жены, доставшуюся ей от матери. Катя вдруг поняла, что она стала настоящей женщиной, у которой есть муж, и, следовательно, есть не только куда возвращаться по вечерам, но и к кому возвращаться.

А это было важно...

Через год у Кати и Вячеслава родился сын.

Беременность протекала тяжело, врачи пугали недобрыми прогнозами, но Катя держалась молодцом и в итоге стала мамой маленького Васи. Вячеслав встречал ее из роддома с букетом прекрасных алых роз. И тут же заявил, что она должна найти управляющего для своих цветочных магазинов, так как он не может позволить, чтобы сын рос без ежечасной материнской заботы. На роль временного управляющего посоветовал кандидатуру своей родной сестры, которая как раз искала работу. Хоть Марина Кате не очень нравилась, но деловые качества у нее было не отнять, поэтому она согласилась с предложением мужа, уточнив, что работать золовке придется год-полтора, а потом Катя сама вернется в дело.

Молодой матери помогала няня, однако многое она делала сама. К сыну привязалась неимоверно, играла с ним, рассказывала сказки, пела колыбельные, пытаясь передать ребенку все то родительское тепло, которого сама лишилась так рано. Вячеслав работал, часть денег они получали от цветочного бизнеса.

Все шло благополучно, пока Вася уверенно не начал ходить, а Катя попросила Марину вернуть ей управление магазинами. Однако золовка отказалась это делать, заметив, что срок заключенного с ней трудового договора истекает только через 4 месяца. Катя подождала эти месяцы, чтобы не обострять отношения с родней мужа, но и тогда Марина отказалась уходить с должности.

Вечером уже Вячеслав вступился за сестру.

– Ну, куда она сейчас пойдет? Смотри, как дело наладила, магазины работают лучше прежнего, выручка высокая, сиди с ребенком и не думай ни о чем.

Но слова мужа Кате не понравились, и она не стала продлевать с Мариной трудовой договор, а нашла Васе дневную няню и вернулась на работу. Оказалось, что Марина сменила часть сотрудников по надуманным предлогам. Распорядившись принести всю финансовую отчетность за полтора года, Катя обратилась к своему знакомому бухгалтеру для консультации. Та нашла в работе магазинов серьезные нарушения, часть положенных налогов не была выплачена, что грозило серьезными штрафами. Катя увидела, что Марина подняла себе зарплату без ее ведома почти в 2 раза, а также получала деньги за счет дополнительных штрафов, наложенных на продавцов, и финансовых махинаций. Ей это не понравилось, и вечером она все рассказала Вячеславу.

Тот расстроился, пообещал поговорить с сестрой. Но Марина встала в позу обиженной и перестала с ними общаться. Катя полгода возвращала все на свои места, подсчитав, что деятельность Марины принесла ей весомые убытки. А тут Вячеслав все чаще стал высказывать недовольство своим положением.

– Я при тебе, как приживал, – жаловался он, – получаю 80 тысяч, а чувствую себя бедняком. Слушай, давай продадим твой бизнес, и я начну свое дело. Сейчас нужно открывать маленькие бары и кальянные. Они хорошо идут. А то я уже засиделся, работая на «дядю». А ты бы нам дочку пока родила. Вот увидишь, кальянные – это тема, сразу все пойдет в гору.

Катя слушала подобные речи мужа сначала с некоторым недоумением, а потом начала раздражаться. Бизнесом занималась еще ее мама, и она с детства видела, сколько сил уходит на это, как непредсказуем поток покупателей, сколько нужно сил прикладывать, чтобы партии цветов не пропали даром, как важно все время меняться, подстраиваться под рынок, искать новые выходы для сбыта товара, завлекать людей, вкладываться в рекламу. Она держалась на плаву за счет того авторитета, который удалось заработать за долгие годы, и то все было очень непросто. И тут разговоры Вячеслава о том, что с кальянными и барами ему сразу все удастся. Они казались ей нелепыми. Если у Кати была давно занята ниша, существовала даже некоторая узнаваемость магазинов, то что было у Вячеслава кроме пустых мечтаний?

Поэтому она решительно не согласилась с мужем. Но тот продолжал настаивать на своем. Тема открытия нового дела стала звучать в их разговорах каждый день.

– Ты не хочешь дать мне шанс, – говорил Вячеслав. – А я уже все просчитал, за год верну все деньги, которые возьму у тебя, а ты в это время пока посидишь с ребенком дома, будешь отдыхать, а дальше – хочешь: снова открывай свои цветочники, я не против.

Катя недоумевала, почему муж столь упрям, не понимая, что наладить дело с нуля очень сложно. Они стали часто ссориться, порой долго не разговаривая. Ссоры уходили, но взамен появлялась какая-то холодность в отношениях, отчужденность... И Катя чувствовала, что муж во что бы то ни стало хочет добиться своего.

Однажды во время очередной ссоры она бросила ему в лицо:

– Да ты и женился на мне, наверное, зная, что я хозяйка магазинов, а так даже и внимания не обратил бы!

Вячеслав посмотрел на нее.

– Да, – вдруг спокойно и холодно ответил он ей, – я знал о твоём бизнесе сразу, мне твой брат Сергей все рассказал, рассказал о вашем отце, как он бросил вас, о твоей родной матери, о том, как тетя отняла тебя у отца... Я все знал, когда шел знакомиться с тобой...

– Ишь ты какой, – вырвалось у Кати, – а я думала, что тебе просто понравилась...

– Понравилась, не спорю, – заметил Вячеслав, – но я давно решил для себя, что женюсь на девушке, которая мне не только понравится, но и будет иметь возможность помочь осуществить мои мечты. Ты думаешь, я всю жизнь планировал сидеть в этом управлении в кресле жалкого начальника отдела? Нет, я всегда хотел свой бизнес, просто это ты родилась с серебряной ложкой во рту, а мне нужно было думать, где самому искать средства на раскрутку своего проекта.

– И ты нашел меня? – зло спросила Катя.

– Нашел! – с какой-то гордостью отозвался Вячеслав. – Но я тебе дело предлагаю, а ты не слушаешь, привязалась к своим цветам. Мужа не слушаешь, потом пожалеешь об этом.

Катя не узнавала его, Вячеслав буквально помешался на идеи об открытии бизнеса, стал раздражительным, не хотел с ней разговаривать. И в один прекрасный день она вдруг поняла, что единственным выходом из ее семейного тупика является развод. Ей было мучительно жалко Васю, которому тогда едва исполнилось три года, обидно было, что она не смогла создать полноценную семью, жалко было себя и даже мужа, но иного выхода она просто не видела. Вячеслав, однако, пришел в ярость, когда услышал о ее решении. Он такого просто не ожи-

дал. Кате пришлось пройти через трудную процедуру развода через суд, на котором Вячеслав доказывал, что она плохая мать и жена.

В итоге через несколько месяцев мытарств она получила документы о разводе и поняла, что прошлое покинуло ее навсегда.

После развода с Вячеславом Катя осталась с сыном одна. У бывшего мужа она ничего не просила кроме того, чтобы раз в неделю он приходил к Васе. Выросшая без отца, она помнила, как это больно понимать, что слово «папа» тебе практически не знакомо. Вячеслав Васю навещал, играл с ним, но на Катю смотрел с негодованием и разговаривал с ней мало, впрочем, она на это не обижалась. Бывший муж перестал вызывать у нее какие-либо чувства, кроме сожаления.

Бизнес свой Вячеслав так и не открыл. А у Кати все было стабильно. Цветочные магазины работали, принося доход. Жизнь проходила в ежедневных заботах. Вася рос, весело болтал, рассказывал ей об играх и своих переживаниях. Но на душе все равно было как-то беспокойно. В выходные Катя стремилась побольше времени проводить с сыном, выезжая на природу или в загородный дом, который достался ей от матери.

В этот раз ярким августовским днем они возвращались в город и остановились на пикник у небольшого леса.

– Смотри, мама, как красиво, – закричал Вася.

Катя подняла глаза и увидела высокую колокольню, залитую солнечным светом. Она догадалась, что перед ней вдалеке монастырь. Название его забыла, но слышала, что сюда приезжают многие люди, считая посещение обители чудодейственным.

Она закрыла машину и обратилась к сыну:

– Пойдем. Погуляем, фото сделаем, правда, здесь очень красиво и хорошо.

И вдвоем с Васей они пошли по полю. Здания впереди стали видны отчетливее, но монастырь все-таки оказался дальше, чем она думала, идти нужно было еще с километр, а Вася уже устал.

Катя присела на траву, любуясь солнцем и небом, Вася прыгал вокруг нее, а потом вдруг неожиданно преподнес матери букет из полевых цветов.

– Мама, коровки, – крикнул сын.

Катя действительно увидела недалеко расположившееся небольшое стадо.

– Посмотрим поближе, – попросил ребенок.

Подумав о том, что Вася видит живых коров в первый раз в жизни, Катя согласилась подойти к ним.

– Куда путь держите? – окликнул ее незнакомый голос.

Он принадлежал высокому пожилому человеку с белой окладистой бородой, одетому очень просто.

– Сын хочет коров посмотреть, никогда не видел раньше.

– Коровок, это хорошо, а хочешь, я тебе маленького бычка покажу, тоже, как ты, возле матери топчется?

Вася кивнул.

Незнакомец подвел мать сына к корове с бычком. Тот был мал и забавен и действительно очень понравился Васе.

– А вы тут что делаете? – спросил его ребенок.

– Да вот пасу этих коровок, – отозвался тот. – Они ведь тоже присмотра требуют, ну и дело у меня есть, каждый должен в жизни быть чем-то занят.

– Моя мама тоже работает, она цветы продает.

– Цветы это хорошо, – кивнул старик. – Цветы это память о рае.

И с этого незначительного замечания начался его с Катей разговор, который длился около получаса, пока Вася играл с травинками и пытался посчитать мирно пасущихся коров. Катя рассказала своему собеседнику о своей рано умершей матери и отце, о тех испытаниях, которые выпали на ее долю, о бывшем муже и тоске, наваливающейся на нее по вечерам.

– Что же бывает, – заметил пастух, – тоска она знаешь от чего? От того, что отдаешь ты меньше, чем получаешь. Когда отдаешь все сполна, что тебе Господь предназначил, и тоски не видать, потому что все, что мог сделал, Господу всем послужил...

– А что еще и кому я должна отдавать? – спросила Катя.

– Ну, это тебе решать, не мне, – отозвался он. – Мы все перед Богом как цветы полевые, и каждый к чему-нибудь да предназначен. Кому для семьи своей большой жить, кому просто людям служить, но все мы друг с другом связаны и про каждого есть своя задумка у Господа. Главное ее разгадать. Смотри, ведь кто-то цветет и глаз радует, как вон тот василек, а кто-то сохнет, как этот стебель. Каждый сам решает что и как.

И Катин собеседник вздохнул и сказал ей на прощанье:

– А ты не печалься, сын у тебя. Все будет хорошо. Живи. Видишь, солнышко какое теплое, греет ласково, прямо душа радуется, и ты радуйся.

И от этих простых слов на душе у Кати действительно как-то потеплело. Она вернулась домой и долго размышляла о том, что услышала. И решила попробовать осуществить одну из своих давних задумок. Ей хотелось создать маленький благотворительный фонд для помощи детям и пожилым людям, живущим в домах престарелых. Чтобы на праздники привозить им подарки, организовывать скромное торжество, общаться, чуть скрашивая им жизнь. Катя была реалисткой и понимала, что благотворительных фондов сейчас немало, и деятельность части из них не совсем прозрачна. Но она не собиралась просить деньги для добрых дел на телевидении, выкладывая огромные средства за минуты рекламы или собирать их с помощью «волонтеров», бродящих по метро с пластиковыми ящиками. Она хотела из своих доходов выделять посильную часть средств, чтобы помогать.

О ее задумке отвести подарки детям в детский дом в соседнюю с Московской область узнали некоторые из ее знакомых, бросили клич в соцсетях и смогли собрать небольшую сумму. Присовокупив к ней деньги фонда, Катя смогла осуществить задуманное. Ее стали часто просить о помощи. Она старалась помочь, кому могла, но часто приходилось отказывать или давать совсем мало. Это огорчало. Но сама деятельность приносила радость и ощущение того, что она нужна не только сыну, но и другим людям.

– Спасибо тебе, девочка, – сказала ей однажды глубоко пожилая женщина в одном из геронтологических центров (как теперь стали называть дома престарелых), – видно, что не зря тебя мать родила, угодна ты Богу...

И ее слова запали Кате в душу. Она поняла, что поступает правильно, это придало ей уверенности и сил. Приближалась годовщина смерти матери, она поехала на кладбище, украсила могилу красивым венком из ее любимых белых хризантем, сходила на могилы тети Тамары, бабушки и дедушки, которых никогда не видела. И еще раз явственно ощутила какую-то внутреннюю связь с близкими, давно ушедшими, но любящими ее по-прежнему.

Тревоги оставили ее. Перед ней была жизнь. Возможно, трудная и непредсказуемая, но несущая в себе смысл и возможность стать тем самым тонким полевым цветком, угодным Богу и людям.

Необычная невеста

Павел проснулся в субботу в 2 часа дня и сладко потянулся. Хорошо вчера погуляли. Домой приехал, кажется, часов в 5 утра, сразу прошел к себе, чтобы с матерью не встречаться. Не о чем им говорить. Опять она начнет про ответственность, про «великого отца» – народного артиста, прославленного режиссера и любимца публики, про самого Павла – бездаря и лентяя.

Надоели эти разговоры.

Отец женился на матери в 60 лет, бросил семью, пошел на скандал, гордился тем, что у него в таком возрасте родился сын. Все молодым хотел казаться, но умер в 77 лет, судьбу так и не обхитрив. Павлу было тогда 16. Он считал себя избранным, но отца побаивался, а вот мать всерьез не воспринимал: она мало занималась с ним, увлеченная ролями в театре и кино.

Денег отец оставил немерено. И Павел, чувствуя себя «золотым мальчиком», ударился во все тяжкие: друзья, рестораны, путешествия, развлечения. Мать пристроила его в известный театральный вуз, но там он не продержался дольше двух месяцев. Слава покойного родителя ударила по голове. Желтая пресса регулярно писала о его похождениях. А Павлу это нравилось, поэтому он старался еще громче заявить о себе. Часто менял подруг, выбирая таких, на фоне которых смотрелся экстравагантно. Павел был необыкновенно хорош собой, богат, носил громкую фамилию, поэтому желающих с ним познакомиться хватало. К тому же повышенное внимание прессы приносило сыну звезды немалый доход. Он часто ходил на ток-шоу, давал интервью. Так получилось, что для Павла любовные увлечения стали выгодным коммерческим проектом.

Сегодня проснувшись, он подумал о том, что пора бы найти новую подружку. Там, глядишь, на очередное шоу позовут, в соцсетях фото с ней выложит, а это подписчики, деньги за рекламу.

Но кого выбрать? У него уже давно созрел план взять какую-нибудь скромницу, лучше «монашку». Об этом все будут говорить, и, значит, и он без денег не останется.

Но где такую найти? Решил зайти в храм, скромно молиться всю службу, при этом поглядывая по сторонам, ну а дальше... В своих способностях очаровывать Павел не сомневался. Что-то, а роль ловеласа давалась ему легко. Павел уже выбрал место охоты. Никольский собор, куда, как он узнал, часто приходят девушки из епархиального училища. Дело оставалось за малым, собраться, напустить на себя вид кающегося грешника и пойти в церковь.

Павел подъехал к храму к вечерней службе. Брезгливо посмотрел на нищих, столпившихся вокруг, зашел в огромное здание и понял, что не знает, как себя вести. Скромно встал в стороне, стараясь делать вид, что погружен в молитву. В храм заходили женщины, но среди них преобладали пожилые дамы. Было несколько мужчин солидных лет. Наконец, перед самой службой вбежала группка молоденьких девушек. Павел начал внимательно приглядываться к ним. В длинных юбках, лишённые косметики они ему не понравились. Но среди них выделялась одна. Высокая, с длинной русой косой и кротким взглядом светлых глаз. Павел решил, что выберет себе эту. Внимательно следил за ней всю службу. Где-то уже в конце этого тягучего и бессмысленного для него мероприятия священник стал рисовать кисточкой на лбу прихожан какие-то знаки.

Вдруг какая-то бабушка зашептала:

– Что ты стоишь, иди, елеопомазание, иди скорее.

И подтолкнула его вперед. Павел увидел, как его «избранница» направилась к священнику, и решил последовать за ней. Его обдало незнакомым запахом, впрочем, это было немного. Просто странно как-то. Служба вскоре закончилась. Девушка вышла из храма. Павел заговорил с ней. Она улыбнулась в ответ, чуть поддержала разговор. Но телефон не дала

и тут же упорхнула куда-то. Павел не ожидал такого. Обычно все крепости он брал с первого штурма. Делать было нечего. Пришлось в воскресенье вставать в 7 утра и снова идти в храм.

Теперь служба тянулась еще дольше. Невыспавшийся Павел был рад хотя бы тому, что «его» девушка тоже находилась рядом. Когда все пошли к чаше причастия, Павел направился туда же за избранницей. Назвал свое имя, проглотил что-то сладкое с винным вкусом, но старался не упускать из виду девушку.

– Поздравляю вас, – ласково улыбнулась она ему, – с принятием Тела и Крови Христовых.

Павел вообще ничего не понял, но начало разговора его вдохновило. После службы он предложил немного прогуляться. Девушка согласилась, если Павел пройдет с ней до ближайшей остановки. Он узнал, что зовут ее Люба, что она из училища, через пару месяцев станет регентом церковного хора, а выросла в многодетной семье священника.

– А что родители? – вежливо поинтересовался он.

– Папа служит в храме во Владимирской области, а сам москвич, даже успел военным стать, а потом Господь призвал, все изменилось.

– Так далеко от Москвы, – удивился Павел, – а что же он здесь не нашел себе работу?

Люба посмотрела на него с недоумением.

– Так ведь священников, как военных, не спрашивают, где они хотят служить. Отправили в храм и трудись. А мама ведь у меня вообще вуз в Москве окончила. И ничего: в сельской школе работает.

Павел решил лишних вопросов не задавать. Оказалось, что в семье родителей Любы пятеро детей, она самая старшая, мечтает поступить в вуз, наверное, в педагогический или в Свято-Тихоновский, но там желающих много, трудно пройти на бюджет. Павел неожиданно для себя утаил, чьим сыном является. Обмолвился, что впервые в храме, поэтому очень стесняется. Люба вызвалась ему помочь, рассказав побольше о церковной жизни. Прощались они тепло, и Павел, наконец, получил заветный телефон.

Он вернулся домой, пошел к себе, хотел полистать ленту соцсетей, но вдруг почувствовал, как его накрыла волна абсолютного счастья. Такое он не переживал никогда. Счастье было полным и каким-то тихим, будто бы душа обрела невиданную опору и торжествовала. Павел не понимал, что с ним происходит, но все равно радовался этому. Ему не хотелось больше ни есть, ни спать. Подошел к окну своей комнаты, сел на подоконник и стал смотреть на чуть

проклюнувшуюся зелень в саду. И просидел в таком состоянии до вечера. Уже ночью, засыпая, думал о том, что встреча с Любой неслучайна, что он обязательно должен познакомиться с ней поближе.

Они стали общаться. Несколько раз после этого ходили в храм. Павел старался вести себя как можно вежливее. Всегда напористый в отношениях с девушками, здесь он боялся сказать лишнее слово, сделать неправильный жест. Люба нравилась ему все больше. При этом привлекало в ней что-то, чего Павел даже не мог себе объяснить. Что-то внутреннее, глубокое, чего у него самого не было. Он уже забыл о первоначальной цели своего знакомства и вообще отошел от привычной жизни. Друзья названивали, требуя встреч, а он только отмахивался от них. Даже с матерью стал общаться мягче, не прибегая к привычной грубости.

Однажды вечером мать вошла в комнату Павла.

– Скажи мне, что это? – спросила она и протянула ему айфон.

Павел увидел статью, в которой было написано следующее: «Сын известного актера и режиссера Павел Симановский хочет уйти в монастырь, но перед этим он решил потешить себя в обществе симпатичной монашки!» Дальше шел какой-то глупенький текст о том, что Павел решил отречься от мира и уехать схимником на Север, где будет жить в тайге и питаться ягодами да грибами.

Павел возмутился, кто дал этому медиапорталу право писать о нем, да еще и прилагать к статье его фото с Любой? Но его гнев вырос втрое, когда он увидел, что статья и фото молниеносно распространились по интернету. Некоторые подписчики в соцсетях стали спрашивать, а не фейк ли это. Павел тут же ответил, что это очередной фейк, но на душе у него легче не стало. А что если Люба увидит, кем он является на самом деле? Не откажется ли она от него? Не отвернется, справедливо считая бездельником?

Худшие опасения Павла подтвердились. Нет, Люба была далека от сплетен, распространяемых о нем, поэтому на следующий день встретила его радостной улыбкой. Но уже в храме, куда они зашли на вечернюю службу, Павел увидел человека с фотоаппаратом, который ловко сделал пару снимков. Он пришел в ярость, подбежал к снимавшему, ударил его по лицу, хотел еще, но тот от второго удара увернулся и быстро убежал.

– Что ты делаешь? – спросила испуганная Люба.

Вдвоем они вышли на улицу. Павел тяжело дышал, но старался при Любе сдерживать свой гнев. Они прошли в парк, сели на скамейку. И Павлу пришлось признаться в том, что он так долго скрывал. Рассказал, что его отец был очень известным человеком, что имя матери также на слуху, что он привык жить в достатке, что нигде не учится и не работает.

Люба выслушала его молча.

– Я вообще та еще дрянь, – вдруг добавил Павел. – Жить привык легко, никому ничем не обязан. Только теперь думаю, а я ли это был? Особенно сейчас, когда с тобой познакомился.

– Неправда, – вдруг громко сказала Люба, – зачем ты называешь себя так? У тебя красивая душа. Да, ты избалован, но можно понять почему. Тебе недоставало любви, отсюда все проблемы.

И Люба вздохнула. Павел не ожидал такой ее реакции на его признание. Получается, она о многом догадывалась, просто ему ничего не говорила? Понимала его лучше, чем он понимал себя сам? Чувство любви к своей избраннице дополнилось глубоким уважением к ней. Их общение становилось все более тесным, однако до тех самых отношений, к которым Павел привык, не доходило. Он впервые в жизни научился получать необыкновенную радость от простого общения, незаметного прикосновения к руке, ощущения присутствия рядом любимого человека. Он не узнавал сам себя. Впервые ему захотелось что-то изменить в жизни, получить образование, профессию, создать семью, увидеть лица своих детей.

А тем временем пришло лето, и Люба успешно поступила в вуз, о котором мечтала. В августе она собралась домой к родителям, звала с собой Павла, но он почему-то испугался встречи с возможными будущими родственниками. Подумал о том, что может не понравиться отцу Любы, покажется ему лишь глупым мажором без образования и серьезных планов на жизнь.

Решил повременить. Люба поехала одна. На следующий день она почему-то не ответила, потом пропала из сети, а когда он позвонил через день, то незнакомый детский голос сказал ему, что Любу сбил автобус. Внутри у Павла все похолодело. Он стал выяснять подробности, но отвечавшая ему девочка-подросток, видимо, сестра его любимой, говорила сбивчиво и все время плакала.

Павел смог понять, что Люба стояла на остановке и ждала рейса, но тут один из водителей, подъезжавших к автовокзалу, не справился с управлением машины и на полном ходу врезался в остановку. Большинство людей успели разбежаться, а Люба попала под колеса. Ее вытащили оттуда подоспевшие спасатели, но девушка была уже мертва.

Павел на похороны, которые должны были состояться во Владимирской области, не поехал. Он почти неделю ничего не ел, ни с кем не разговаривал, и мать нашла для него лучших врачей. Те диагностировали сильнейшее нервное потрясение, рекомендовали поддерживающую терапию, но ничем толком помочь не смогли. Павел пил какие-то таблетки, потерял счет дням и неделям, ничем не интересовался, проводя время в своей комнате в полном одиночестве.

Душевная боль не утихала. Сначала он пытался запивать горе с помощью крепких напитков, они давали временное облегчение, а на следующий день становилось только хуже. О Любе он думал постоянно. Винил себя, что тогда не поехал с ней, не мог понять, почему Бог, в которого она так искренне верила, допустил ее раннюю и нелепую смерть. Он мечтал увидеть Любу во сне, но сны приходили черные, мутные, которые давили на сердце тяжелым камнем и сразу забывались.

Сам он не заметил, как снова наступила весна. Однажды вышел на улицу и дошел до храма. Вдруг подумал о том, что Люба была бы рада, если он появился на службе. Зашел, постоял, ему стало чуть легче. А спустя три дня он все-таки увидел ее, когда уснул. Она была в своем любимом светлом платье, улыбающаяся, спокойная.

– Почему ты не хочешь жить? – ласково спросила она его.

– Без тебя это очень трудно, – отозвался он.

– Почему без меня? Я рядом с тобой. Если ты меня не видишь, это не значит, что я ушла навсегда.

– Но я хочу, чтобы ты была здесь, а это невозможно.

– Да, но ведь мы сможем встретиться, если...

– Что если?

– Если ты этого захочешь...

И образ Любы стал как-то растворяться вдали...

– Подожди, – закричал Павел и даже во сне почувствовал, как бьется его сердце, – а что я должен сделать? Я ведь очень хочу встретиться с тобой...

Но ответа он уже не получил. Проснулся с ощущением того, что на самом деле смог увидеть Любу, поговорил с ней. Понял, что должен жить вопреки всему. И, конечно же, не так, как это было раньше. Чтобы встретиться с Любой, он должен пройти жизнь так, как это сделала бы она.

Павел решил начать с малого. Поступил в тот вуз, в котором она хотела учиться. Выбрал факультет искусствоведения, подал документы, сразу пошел на платное, так как при деньгах его матери такое обучение не было проблемой. Стал ходить на занятия. Держался ото всех особняком, нехотя признаваясь, если его спрашивали, что является сыном того самого «Симановского». Скромностью заслужил уважение окружающих. На ток-шоу его еще звали, потому что журналистам была интересна произошедшая с ним перемена, но он никуда не ходил. От прежних друзей отошел, а новые у него еще не появились. Наладил отношения с матерью, которая радовалась тому, что он изменился в лучшую сторону, вновь рассказывала об отце и говорила, что слава еще ждет Павла впереди. Но он не хотел славы, а просто мечтал когда-нибудь встретиться *Там* с той девушкой, которую смог по-настоящему полюбить.

Недотрога

Денис молча вел машину, слушая разговор жены по мобильному: «Зая, а мы с моим на пикник едем, а твой как? Неужели в поход? И ты отпустила? Как это не отпустишь? Держать его надо на коротком поводке. И чтобы никаких вольностей. Ну все. Пока».

Он давно уже привык к тому, что его женушка обращается с ним, как с вещью. Лет 10 назад еще порывался ставить ее на место, но куда уж там: Ленусик закатывала ему скандалы, грозила разводом и лишением всех причитающихся материальных благ, а также невозможностью потом видеть дочь.

– Ой, да ладно тебе, – полушутя-полусерьезно говорила она ему, – я ведь сейчас папочке позвоню, думаешь, ему это понравится?

И Денис замолкал, подчиняясь железной воле жены. А что ему еще оставалось делать? Он был связан по рукам и ногам. Это для окружающих он директор крупной фирмы по производству мебели, а на самом деле полностью зависит от своего тестя. Фирма принадлежит ему, помещение его, клиентура на 80% идет от него, он финансово всегда дает удержаться на плаву. А у Дениса большая зарплата, иллюзия высокого социального статуса, взбалмошная жена и ненормированный рабочий день. Знал бы он 14 лет назад, когда делал предложение Ленусику, что так все обернется, подумал сто раз прежде, чем звать ее в загс. Эх, ведь соблазнился он тогда тем, какое «приданое» может получить, вот и стал ее мужем. А потом дочь родилась, заботы начались, а теперь он сидел за рулем своего авто за 6 миллионов рублей и чувствовал себя человеком, жизнь которого не удалась. И все из-за болтливой жены, которая раздражает его неимоверно, и ее папаша.

Впрочем, на публике Денис старался общаться с женой ласково и вежливо. Когда они были вдвоем, мог позволить себе немного пошутить, но в своих мечтах давно уже желал, чтобы жена с тестем поехали куда-нибудь на горнолыжный курорт и не вернулись бы оттуда.

Ну мало ли что! Крутых поворотов много, да и что-то еще может случиться! Вот тогда бы Денис и его дочь София оказались единственными наследниками всего многомиллионного имущества, и тогда бы он зажил! Но тесть в мир иной не собирался, также как и его дочурка, поэтому Денису приходилось терпеть их власть над собой. Правда, Ленусик позволяла ему крутить короткие романчики с секретаршами и менеджерами на работе, всегда подсмеиваясь над его мужским «эго». Но палку не перегибала.

– Что твоя новенькая, каково с ней? А? – шутя спрашивала она мужа, – не наскучила еще эта крашенная блондинка?

И Денис понимал ее слова, как намек сменить подругу. И молча менял. Да и ему самому было без разницы, за кем приударять. За Светой, Наташей или Сашей. Эти случайные женщины отвлекали его от проблем, но ничего кроме кратковременного развлечения не приносили.

И вот однажды к нему пришла новая сотрудница. Звали ее Таня. Ее должностные обязанности заключались в том, чтобы сидеть на телефоне, отвечать на звонки клиентов, принимать интернет-заказы и оформлять их. Ничего особенного: обычный менеджер по продажам. Таня училась на заочном и просила отпускать ее на сессии хотя бы за счет отгулов. Денис обратил на нее внимание. Она показалась ему интересной какой-то естественной красотой: без яркой косметики, скромно одетая, улыбчивая, доброжелательная. Он сразу же сделал первые шаги, чтобы познакомиться с Татьяной поближе, но неожиданно получил отпор. Девушка ограничивалась лишь официальными отношениями и на все попытки сближения отвечала уклончиво.

Это привело Дениса в некоторое замешательство. Все его сотрудницы знали, что кратковременное сближение с «шефом» удобно и выгодно: это были премии, повышения по службе, некоторые льготы. А тут отпускать на сессии просит, а сама проявить расположение не желает!

Вот недотрога-то!

Еще больше Денис рассердился, когда Татьяна собралась увольняться. Заявление ее не подписал, потребовав, чтобы девушка явилась к нему.

– Вы проработали только два месяца и уже собрались уходить. Что вас не устраивает? – спросил он, едва Татьяна переступила порог кабинета.

Та смотрела в пол.

– Нашла себе другое место ближе к дому, – тихо отозвалась она.

– Неправда, – вдруг разгневался Денис, – вы уходите по другой причине, и предполагаю, что это связано с тем, что я пошутил с вами... некорректно, а вам, наверное, рассказали, что я большой фантазер по этой части.

Татьяна молчала.

– Угадал? – продолжил Денис. – Но я прошу прощения у вас, что мои шутки оказались вам неудобным. Пожалуйста, забудьте о них и продолжайте работать. Я знаю, что у вас сессии. Будем искать возможность, чтобы вы на них появлялись.

Татьяна подняла на него испуганные глаза.

– Нет, знаете, я уже решила уходить, давайте доведем все это до логического конца. Подпишите, пожалуйста, заявление.

Денис вдруг почувствовал, что отпускать сотрудницу категорически не желает.

– Татьяна, если вы сейчас уйдете, то я буду считать себя виновным в этом. Прошу вас остаться. Поработайте хотя бы три месяца, а там принимайте окончательное решение.

И Татьяна согласилась. В фирме Дениса она работала неплохо, старалась, была вежлива и сдержана. Денис больше не прибегал к агрессивным попыткам сблизиться с ней. Да и за другими барышнями, трудившимися у него, не приударял. Присматривался к Татьяне, но изда-лека.

Однажды он задержался на работе и выходил из здания, когда его покидали последние менеджеры. Подошел к своей машине, увидел, как по дороге уже в осенней темноте идет Татьяна. Тут же догнал ее, предложил подвезти. Та отказывалась, но он был настойчив.

– Холодно, ветрено, дождь сейчас начнется, а мне по пути, я вас до остановки довезу.

Девушка согласилась. Денис отвез ее в кафе неподалеку, уговорил выпить с ним кофе. Он узнал, что Татьяна снимает квартиру и учится, старается сама себя обеспечивать, чтобы

не просить помощи у мамы, у которой небольшая зарплата медсестры. Денис ничего не сказал Татьяне о своей симпатии. Он понял, что с ней нужно вести себя по-другому. Не так, как с легкодоступными девицами. Поблагодарил за то, что составила ему компанию, и довез до остановки.

В голове его мелькнула мысль: как было бы хорошо, если эта скромная девушка стала его женой. Ведь такая будет настоящим другом, с ней можно поговорить по душам, посоветоваться, она не начнет его «пилить», упрекать, насмехаться. И сына, наверное, родит. Высокого, сильного, похожего на него. Эта мысль не давала ему покоя. Понятно, что Татьяна не смирится с участью любовницы, такая должна стать законной женой, но что делать ему – ведь решился он на развод, теще и Ленусик оставить его буквально «без штанов»? Ну, допустим, часть квартиры, машину он сможет себе отсудить, но больше ему ничего не дадут, да еще и мстить станут. Придется переезжать в другой город, но ведь сложно начинать все в 40 лет?

А между тем сближение Татьяны и Дениса продолжалось. Вероятнее всего, он также нравился ей, и как не пыталась девушка сдерживать свои чувства, они прорывались наружу. В итоге одно из их свиданий после работы закончилось тем, что Денис отвез Татьяну не на остановку, а домой. Зашел в квартиру и понял, что уходить не хочет. Они пили чай, разговаривали. И Денис незаметно для себя стал навещать свою милую сотрудницу. Встречи переросли в любовные отношения, которые укрепляли их связь, но приводили Дениса в еще большее душевное замешательство.

Так незаметно прошел год.

– А не долго ли у тебя задержалась эта девочка, та, что в юбках как монашка ходит? – иронично спросила его Ленусик в один из вечеров, – мне кажется, тебе уже пора с ней завязывать, а то ты сам себе изменяешь, больше двух месяцев раньше девок не держал.

Денис вздрогнул от бестактности жены. Но тут же заставил себя успокоиться. Нет ничего удивительного, что Ленусик в курсе его любовных походов, она всегда все знала и подсмеивалась над ним. Он промолчал, хотя жена еще несколько раз заводила разговор на эту тему. Вновь задумался о разводе и снова понял, насколько бесперспективна эта затея.

Незаметно прошло еще недели три. И однажды Татьяна исчезла! Она просто не пришла на работу. В первый день Денис не стал ничего предпринимать, но потом наступили новые будни, а его возлюбленная так и не появилась. Он стал звонить, но ответа не дождался, телефон оказался выключенным. Поехал по ее адресу, но там нашел запертую дверь. Вспомнил про вуз, стал смотреть документы в отделе кадров, понял, что это самый большой в городе университет, поехал туда, но не добился успеха: сначала с ним и говорить не хотели, но потом, когда Денис проявил настойчивость и смекалку, указав, что он как работодатель проверяет информацию, сообщили, что Татьяна получила диплом бакалавра за номером таким-то летом этого года. Больше никакой информации о ней он не знал. Денис понял, что Татьяна оставила его намеренно, еще надеялся, что она одумается и даст знать о себе, но время шло, а никаких известий о ней не было. Денис уже смирился с потерей, но помнил о ней постоянно. Любовниц среди своих сотрудниц и случайных знакомых искать перестал, замкнулся в себе.

Однажды поехал по работе в соседний город и там решил заскочить в ресторан, чтобы перекусить. И здесь на улице он увидел Татьяну, идущую с детской коляской. Она подняла глаза и узнала его. Грустно улыбнулась. Денис подошел, бросил взгляд на ребенка. Это был крупный мальчик 11 месяцев, который смотрел на него и смеялся.

– Сын? – спросил он.

Татьяна кивнула.

– Я вышла замуж за одного из своих коллег. Устроилась работать по специальности, вот и познакомились.

– Как зовут? – спросил Денис.

– Павлом, в честь моего отца.

– Значит, у тебя все хорошо?

– Как сказать? В порядке. Семья, сын, многие женщины мечтают об этом.

– Обидно, что это не мой сын, – вырвалось у Дениса.

Татьяна посмотрела на него с сожалением.

– Прости, но мне тогда пришлось уйти от тебя. Я уже давно собиралась. Ведь ничего хорошего из наших отношений не вышло бы. Ты был женат. Дочь у вас. Не захотела я быть разлучницей, да и жена твоя тогда...

– Что жена? – спросил Денис.

– Она нашла меня. Пришла, рассказала, как любит тебя с юности, как хотела выйти замуж, что ты ей часто изменял, а она терпела. Ничего не просила, просто рассказывала про тебя, про вас, про вашу дочь...

– И ты ей поверила! – вырвалось у Дениса.

– Мне кажется, она тебя по-настоящему любит. Ну, может быть, ревнует сильно, от этого нервничает, ерничает. Она гордая, умная, с характером. Такая никогда сама не признается в любви, но наши отношения приносили ей настоящую боль. Я это поняла и решила исчезнуть из твоей жизни.

– А у тебя хорошо получилось! – с обидой заметил Денис.

– Да, но это был единственный выход. Прости, мне нужно домой, Павла кормить.

И Татьяна пошла своей дорогой.

Пришла домой и расплакалась. Она обманула Дениса. Симпатичный младенец был не ее сыном, а племянником, за которым она приглядывала в свой выходной по просьбе сестры.

Татьяна не выходила замуж. И детей у нее не было. Никак не могла забыть о своей любви. Но сказать правду Денису не решилась. Пусть он думает, что у нее все хорошо.

Так будет лучше.

Мать понарошку

Екатерина Михайловна что-то рассеянно готовила на кухне. Мысли ее были далеко. Себя она никогда не соотносила с ролью домохозяйки, видя свое призвание совершенно в другом.

Но вдруг ее сотовый напряженно зазвонил. В трубке она услышала мужской голос:

– Алло. С вами говорит сержант Петров. Марина Петровна Ковалевская вам кем приходится?

– Это моя дочь, – с некоторым удивлением отозвалась Екатерина Михайловна.

– К сожалению, вынужден сообщить вам плохую новость. Вашу дочь сегодня сбила машина. На перекрестке улицы Гоголя и Театральной площади. Скорая увезла ее в больницу №45. Она уже в реанимации.

В глазах у Екатерины Михайловны потемнело. Дочь у нее была единственной. С тех пор как 10 лет назад она похоронила мужа, Марина стала ей серьезной поддержкой.

Она не успела опомниться, как ее телефон снова зазвонил.

– Екатерина Михайловна, разве вы не узнаете меня? Я Таня, мы с Мариной вместе в школе учились. К нам ее сегодня привезли. Всю израненную. Травмы тяжелые. Не знаю, что будет дальше. Но есть вероятность, что навсегда останется инвалидом. Будет лежать и никого не узнавать, потому что у нее черепно-мозговая травма очень сложная и спинной мозг поврежден. Вы не приезжайте, я сама буду вам звонить. Вас все равно в реанимацию не пустят. А лекарства здесь все есть...

– Таня, может, деньги нужны? – спросила потрясенная Екатерина Михайловна.

– Нет, и денег пока не нужно. Если выживет, я вам позвоню. Но это дня через три-четыре.

Екатерина Михайловна в ужасе вышла из кухни. Дошла до гостиной. Села на диван. Когда-то лет 15 назад она играла в спектакле мать, у которой на глазах фашисты расстреливают единственного сына. Тогда она рвала на себе волосы, громко рыдала и выла в голос. Впрочем, эту роль она видела совсем по-другому, но режиссером был ее муж Петр Максимович, а он

всегда в театре вел себя как тиран. Заставлял ее выть в голос, хотя это смотрелось неправдоподобно.

На секунду погрузившись в воспоминания, Екатерина Михайловна вдруг поняла, что думает о чем-то не о том... Сейчас все было по-настоящему. Марина в больнице. Она одна сидит в квартире и не знает, что ей делать. И она упала на подушки и расплакалась. Плакала долго, и хотя никто не видел ее слез, ей было удивительно жалко себя. Ведь 60 лет только исполнилось, а, можно сказать, что жизнь закончилась.

И сколько лет уже длится ее несчастья?

Да, пожалуй, что все началось со смерти Петра Максимовича. Он был глыбой и такой опорой, о которой любая актриса может только мечтать. Художественный руководитель республиканского театра драмы, режиссер. Сам сценарии писал, рисовал, модели платьев ей делал, а они подчеркивали достоинства ее изящной фигуры. А умер внезапно от сердечного приступа в 65 лет. А еще так многое успел бы сделать. Ведь маститые режиссеры и 85 лет в театрах служат. И она при нем еще бы поиграла, поцарствовала на сцене.

А так. Худруком стал ученик Петра Виктор Добрич. 15 лет около него крутился, в глаза заглядывал, а как власть получил, то ее – ведущую актрису театра – убрал на задворки. Спектакли с ее участием постепенно позакрывал, новых ролей не давал, и стала она выходить на сцену три раза в месяц. Хорошо, что еще из театра не погнал. Но ведь все-таки она имеет звание народной артистки. Нельзя ее из театра выгонять. Таков уж негласный закон.

Но сколько боли. Сколько унижений! Екатерина Михайловна взглянула заплаканными глазами на стены комнаты. Там были развешаны ее портреты. Петр Максимович хорошо рисовал и за годы супружеской жизни украсил их квартиру и дачу портретами любимой жены. Вот этот портрет ей особенно нравился. Здесь она в легком розовом платье. Играла в его спектакле мадам Бовари. А платье так шло ей!

Екатерина Михайловна вздохнула. А как тяжело ей дался этот брак. Сколько лет потом в ее сторону смотрели с пренебрежением и негодованием. Мол, хороша, актрисулька. Увела мужа и отца из семьи. Да. Ведь Петр Максимович был женат. Да и немудрено. Такие мужчины холостыми никогда не ходят. А она была молода, но уже успела в жизни хлебнуть несчастий.

Родилась в маленьком рабочем поселке. С детства участвовала в самодеятельности, мечтала поступить в столичный театральный вуз. Поступала в «Щуку» 3 раза. И каждый раз не брали. В итоге в 4 раз решила поступить в провинциальное театральное училище. Прошла. Годы обучения пролетели незаметно. Даже замуж хотела выйти за однокурсника – Володю Маркова. Но одумалась. У них с Володей на двоих за душой ничего, кроме пламенных мечтаний не было. Решила повременить и не прогадала. Распределили ей в театр города-миллионика. А Володю в какую-то глухую провинцию. Он оттуда все ей письма писал, приезжал даже пару раз, а потом кто-то ему нашептал о ее связи с худруком, он и запил, его из театра увольнять собрались, и Володя – слабый человек – как-то очень быстро сгинул.

А Катенька тогда получала в театре только главные роли. Петру Максимовичу было при их знакомстве 40 лет. И влюбился он в нее без памяти. У самого жена и двое сыновей-подростков. Но что там. Через три года развелся с женой со скандалом. А это было еще советское время. Его даже из партии хотели исключить за аморалку, да не успели. Самой партии скоро не стало, ведь СССР приказал долго жить. А Катенька о плохом не думала. Она наслаждалась возможностью играть на сцене. И буквально жила репетициями и своими ролями. Скоро пришел первый успех, а за ними и звания, и признание. Она чувствовала себя настоящей хозяйкой театра. И видела, как одни актеры перед ней раболепствуют, желая понравиться, подружиться и через нее получить роль у всемогущего худрука, а другие бросают в ее сторону косые взгляды.

Детей она долго не хотела. Все отодвигала свою беременность. Но когда исполнилось 30 лет, поняла: надо рожать. Да и Петр очень хотел ребенка, ему в ту пору уже было 45, он всерьез мечтал о дочери, как бы стремясь загладить вину перед сыновьями. И Екатерина Михай-

ловна родила Марину. Правда, играла на сцене всю беременность, приказывая костюмершам прятать ее живот под складками одежды.

Марине быстро нашли няню, а молодая мать вернулась в театр. Нет, к дочери она относилась хорошо. Та была похожа не на ее, а отца. Такая же широкая в плечах, темноволосая, умная, острая на язык. Но глубокой привязанности к ней мать не испытывала. Домашними делами заниматься не любила, тем более что у нее всегда были помощницы. Подкосила ее только неожиданная смерть супруга. В то время Марина училась на факультете журналистики. Связывать свою судьбу с театром она категорически отказывалась. Да и родители не видели в этом смысла.

После ухода отца Марина всячески поддерживала мать. Вела с ней душевительные беседы, слушала ее жалобы на жизнь. Личная жизнь ее за 10 лет так и не сложилась. Да и Екатерине Михайловне было удобнее, когда ее дочь находилась рядом, хотя внешне она всегда корила ее за то, что никак не выйдет замуж и не родит ей внуков.

И тут такой удар...

Следующую неделю Екатерина Михайловна прожила как в забытьи. При этом она ходила театр и участвовала в репетиции новой пьесы, где Витя Добрич соблаговолил выделить ей небольшую роль одной комической старухи. Репетиции позволяли забыть о случившемся хотя бы на время.

Таня звонила и рассказывала о состоянии Марины. Угроза летального исхода миновала, однако впереди маячила тяжелая инвалидность. Пару раз Екатерина Михайловна предлагала приехать в больницу самой. Но Таня категорически ей отказывала:

– Смотреть вам там не на что. Да вас и в реанимацию не пустят. Лучше со мной держите связь. Я в курсе всего, что там происходит.

Кстати, денег Таня ни разу не попросила.

Спустя месяц Таня позвонила и сообщила, что Марине лучше, но в себя она уже никогда не придет. Так и останется, скорее всего, бесчувственным «овощем», который может смотреть на людей ничего не видящими глазами. Она же сказала, что Марину можно забрать домой

и ухаживать за ней или же поместить ее в специальный интернат для таких больных. Решение нужно было принимать Екатерине Михайловне.

Услышав такое, она задумалась. Дочь ей было мучительно жалко. Сердце искренне болело, но как жить оставшуюся жизнь с «куклой», которая ничего не видит, не слышит, никого не узнает? А как же театр, как ее роли? Узнав о ее беде, коллеги и худрук точно сошлют ее на пенсию.

– Таня, а мне можно хотя бы увидеть Марину? – робко спросила Екатерина Михайловна.

– Ох, смотреть там не на что. Мне самой страшно, когда я к ней схожу, а я уж насмотрелась на всякое. Пока это один сплошной синяк, бинты, даже лица толком не видно... Вы просто должны принять решение, а увидиться и в интернате можно. Или дома, если забирать домой решите.

Екатерина Михайловна думала три дня и в итоге сказала Тане, что Марине будет лучше в интернате. Там и уход хороший. И лекарства все вовремя. А она сама вся больная, да и финансово содержание дочери не потянет. Таня выслушала ее молча и сказала, что будет оформлять необходимые документы. Это займет недели три, а потом она позвонит ей.

Через две недели у Екатерины Михайловны состоялась долгожданная премьера в театре. Свою старуху она сыграла блестяще, несколько раз срывала аплодисменты, получила даже букет из трех алых роз. Вошла в гримерку, стала снимать наслоения краски с лица и вдруг увидела, как дверь в гримборную открылась...

На пороге стояла... Марина. Живая. Настоящая. В своем темно-сером свитере и джинсах.

Сначала Екатерина Михайловна подумала, что у нее галлюцинация на фоне стресса последних месяцев. Потом мелькнула мысль, а не сошла ли она с ума? Но Марина молча подошла и села в кресло, в котором любила всегда сидеть.

– Здравствуй, мама, – тихо сказала она. – Я знаю, что ты от меня отказалась. Прости, я тебя разыграла, а друзья помогли. Но мне важно было понять, как ты поступишь. Ведь прошло почти два месяца, а ты ни разу не рванула в больницу, не попыталась как-то помочь мне. Ты согласилась отдать меня в интернат...

Екатерина Михайловна протянула руку к дочери, ощутила ее тепло и в голос зарыдала.

– Мариночка, детка, но почему так жестоко. Почему ты так со мной? – лепетала она.

– Я должна была понять, мама. Мне всегда казалось, что тебя в реальности не существует. Ты вся такая воздушно-розовая, состоишь из своих ролей и папиных картин. Ты моя мама, но мама понарошку, понимаешь. Ну как в игре дочки-матери. Ты играешь в маму с куклой, а потом эту куклу бросаешь. И все. Она тебе больше не нужна. И я всю жизнь думала, что не нужна тебе. Помнишь, утром я сама шла в школу, а вы с папой еще спали, потому что устали в театре, и вечером была одна, потому что вы еще были в театре. А когда приходили, то я уже спала. А ведь часто только притворялась, что сплю. Думала, зайдешь в мою комнату, обнимешь меня, поцелуешь хотя бы во сне. Но ты не делала этого. Никогда! Все мои ожидания оказались напрасными.

Екатерина Михайловна в ужасе смотрела на дочь. Она не знала, как себя с ней сейчас вести.

– А когда умер папа, – продолжила Марина. – Ведь ты думала только о себе. О своих ролях, которые потеряла. Ты ведь даже памятник ему установила только спустя 5 лет, и то только потому, что местные газеты стали об этом писать.

– Девочка моя, – смогла наконец вымолвить Екатерина Михайловна, – да, я виновата перед тобой, твоим отцом, но я же актриса. Женщина не может сегодня жить только ради семьи. Она должна... реализовывать себя. И вас я любила. Просто вы не всегда это понимали.

– Нет, мама, теперь я все поняла. Мне очень больно, но я ухожу. Дома уже была, вещи забрала. Не пиши и не звони мне. Куда я уезжаю – не скажу. Считай, что ты меня отдала в тот самый интернат. Все.

И Марина резко встала и решительным шагом вышла из гримерки.

Екатерина Михайловна сидела пораженная даже не наглостью и грубостью собственной дочери, а осознанием того, что осталась совершенно одна. Это было чудовищно больно. И какой жестокий розыгрыш. Как Марина могла решиться на такое! Так поиздеваться над ней. Как не пожалела ее! Воистину она воспитала монстра! Страшного чудовищного монстра. Но с этим уже было невозможно ничего поделать. И Екатерина Михайловна заплакала, размазывая по щекам остатки грима.

Всему свое время

Таня лежала на кровати в общежитии, уткнувшись лицом в подушку. Все ее существо сковало какое-то странное оцепенение. Это была даже не боль, а недоумение. «Почему?», – стучал в ее висках вопрос. Только вчера они с Сережей обсуждали предстоящую свадьбу, говорили о том, какое платье она себе подберет, как будет рада его мама, что они скажут гостям. А сегодня все это превратилось в какую-то темную бездну. Сергей позвонил, каким-то чужим голосом предложил встретиться ей после работы и там, на улице, комкая слова, заявил, что свадьбы не будет, что он отказывается от отношений с ней, просит ему не звонить и не писать. Таня не успела ничего сказать, не спросить, не возразить. Так и осталась стоять на улице.

Потом она бродила по городу, а когда стемнело, вернулась в общежитие. Сергей не любил этого институтского общежития, которое давно уже нуждалось в ремонте, но она настояла, что до свадьбы останется жить здесь. Мысли путались в голове, скромно обставленная комната пугала своей тишиной. Две надоедливые соседки с литфака были на практике в своих сельских школах. Она осталась совсем одна. Совсем, да не совсем. Внутри жило еще одно существо, которое, как и Таня сейчас, сжималось в маленький беспомощный комочек. Таня была на четвертом месяце беременности.

Все тогда произошло неожиданно, но Сергей не отказался от ребенка. Наоборот, даже, казалось, обрадовался, познакомил ее со своей мамой, которая занимала видный пост в администрации города. Будущая свекровь – моложавая женщина лет 45 приняла невесту своего единственного сына сдержанно, но противиться намечаемому браку не стала. Общались они мало, но молодым было не до этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.